

В. М.

Каждый легкий и мал, кто взошел на вершину холма.

Леонид Аронзон

вроде все возвращается. цикл бытия колесом
позвоночника выбился, что ли, из зримой орбиты,
чемоданы стоят. каждый мал и почти невесом,
кто взошел на перрон, массой плачущих масок набитый.

мы и вправду с тобой пели песни, встречали рассвет,
восторгались лучами ожившего робкого солнца.
литораль заливало водой, и оставленный след
исчезал, убаюканный солью приморского лонца.

смех слетал с наших губ быстрой стаей синиц в облака,
наше море светилось, как небо, фаворскими снами,
вспоминали, что скоро («ну-ну, не грусти, ведь пока...»)
нам придется идти и что поезд примчится за нами –

рассадить по местам, городам, по объятиям к тем,
кто не дышит, как мы, кто не чувствует пение мира.
он вернет нас туда, где решетки сомнений и схем –
в королевство вещей, где одна ойкумена – квартира.

я читала, что время всего лишь круги на воде,
что вернется пора, только мы будем снегом, лучами.
каждый легкий и мал, кто стоит в середине нигде,
у того тополиные перья растут за плечами.

СМИРЕНИЕ

влажный воздух ложился на плечи...
ветер мягко касался лица...
Мариинской обители свечи
в дымке образа Бога-Отца.

разливалась по телу истома,
в нем текучая нежность жила,
о ритмичную твердь метронома
ударялись колокола –

это сердце неспешное билось,
наполнял его тихий испуг.
в сером вечере Божию милость
дух смиренный почувствовал вдруг.

КОНТРОЛЬНАЯ

хочет кончиться контрольная работа,
но продляет бесконечные листы.
и стреляет обреченным взглядом кто-то
на решения мои. раскрывши рты,

треугольными руками чертят график
одноклассники. за окнами темно.
люди спят давно. молчит дорожный трафик,
нам сказали. но не все ли нам равно...

не уехать: марафонец, а не спринтер –
математика. нас выпустить бы ей –
и контрольная не прочь, но щедрый принтер
все печатает – и больше, и быстрее...

ЗИМНЕЕ УТРО

куда я пойду в темнотище такой,
которая властно коснулась всего здесь,
полярной зимой задубевшей рукой
помашет вина, но застывшая совесть,
заботясь о том, чтоб пере-зимовать,
не станет ругать и колоть куда надо.
в одетое тело вцепилась кровать
и держит, и держит, а тело и радо.

в окне темнота, холодина за ним,
замерзшая совесть «пойдем» зашептала,
но только клокочет во мне аноним,
который натягивает одеяло.

ЛЕСНОМУ ЦАРЮ (МУЖУ) – АНГЛИЙСКИЙ СОНЕТ

не безмолвию бить беспощадным ключом, говорю,
лучше сразу ладони свои уברי с моей шеи,
а не то я отчалою к Харону – речному царю:
там вода не течет, но блуждает по утлой траншее.

что ты хочешь, скажи, а не скажешь – пеняй на себя.
и не надо мне тут расплять тишину, это слишком.
столько дев оттого у реки невозвратной скорбят,
что безмолвия ключ ты пустил по звенящим домишкам.

эти девы в долине, где ходит довольный Харон,
он им всем предлагает на лодке его прокатиться.
отпусти мою шею, садись на осиновый трон,
разговаривай вслух, не молчи, как речная девица.

только вот что учти, дорогой, ты немой(,) нелюбим,
хоть тебя обещала ласкать да лелеять любым.

АПОКАЛИПСИС

вихрем шальным накатят волосы черта,
море заполнит собой тела и дома,
дрогнет с испуганным треском шкала Бофорта,
скатится бурей наспех сшитая тьма.

и посреди слепого раздрая, гама,
ты героически выстелешь зеленю,
соорудишь звезду для нас из вольфрама,
дашь, как Всевышний, света рваному дню.

будешь держать запястье мое, молиться,
рыбу ловить в потопной черной воде,
«все возродится» – шептать. и бутоны лица
смело поднимут к новой нашей звезде.

СТОМАТОЛОГ

обновленные зубы тарашатся из ротовой пещеры –
широкая улыбка пациента открыла их сияющему миру.
стоматолог окончил рабочий день и идет домой.

в Сибири зима такая, что если не умер за зиму,
значит, ты был осторожным
и даже мудрым малым.

бивни сугробов скрыл наступивший на них
тяжелой ногой черный сибирский вечер.
стоматолог идет домой, и вырванный нерв в небе
светится, выровненный в серповую складку.

сибирские волки великим подвыванием арий
со сцены за кулисами леса
заставляют зубы трещать от страха.

стоматолог пришел с мороза домой, обнял жену,
зубы размякли от тепла и спокойствия –
кончается еще один зубной день.
благодать разливается по ротовой полости.

широкая улыбка стоматолога открывает белые зубы
зеркалу и зорким глазкам предметов в комнате,
где белая простыня покрывает холодное ложе.